

ОБРАЗ МАТЕРИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 21 октября 2021 г.

Аннотация: статья посвящена анализу семантики образа матери и его роли в сюжете прозаических текстов В. А. Никифорова-Волгина. В двух циклах о детстве писателя («Детство», «Из воспоминаний детства») мать предстает как хранительница домашнего очага и рукодельница. Мать воспитывает сына в православной христианской традиции, выступая по отношению к нему в роли духовного наставника. Благодаря ей в семье сохраняется вера и соблюдается благочестие. В цикле «Детство» есть литургический пасхальный сюжет, в котором на первый план повествования выходят Господь и Его Пречистая Мать. Их взаимные любовь, утешение, забота друг о друге свидетельствуют о норме отношений в семье. Таким образом, мать и сын здесь — персонажи духовного и земного планов повествования, причем духовный план дан как ориентир и образец отношений для «малой церкви» — семьи. Кроме того, наиболее ярко образ матери вне циклов о детстве представлен в рассказе «Мати-пустыня», где он наделен также семантикой приобщения к духовной жизни, к вечности. В прозе В. А. Никифорова-Волгина образ матери не лишен мифопоэтической природы. Образ матери — это еще и утраченная для писателя русского зарубежья Россия, обозначенная, в частности, через псевдоним, отсылающий к устойчивому выражению «матушка Волга».

Ключевые слова: Никифоров-Волгин, образ матери, цикл рассказов «Детство», цикл рассказов «Из воспоминаний детства», рассказ «Мати-пустыня», семантика, функция в сюжете, православие.

Abstract: the article is dedicated to the study of the mother image semantics and role in the plot in prosaic works by V. A. Nikiforov-Volgin. In two works about the author's childhood ("Childhood" and "Memories of Childhood"), his mother is represented as a keeper of the home and a craftswoman. She is bringing up her son in the Orthodox Christian tradition acting as a spiritual adviser in respect of him. Owing to her efforts, the faith is kept and godliness observed in their family. The Childhood cycle includes a liturgical paschal scene where the story is focused on the Lord and his Most Holy Mother. Their mutual love, consolation and care about each other set the standard for family relations. Thus, the mother and son here are characters of both spiritual and earthly aspects of the story, the spiritual aspect being taken as a guideline and an example for the family, a small church. Besides the books dedicated to childhood, the mother image is most vividly represented in the Mother Desert story where it is given the semantics of introduction to spiritual life, eternity. In the works of V. A. Nikiforov-Volgin, the mother image has some mythopoetic traits. Moreover, the mother image for him, a Russian Emigre author, also signifies the lost motherland designated, in particular, by a pseudonym referring to a common expression "Mother Volga".

Keywords: Nikiforov-Volgin, the image of the mother, cycle of short stories «The Childhood», cycle of short stories «Memories of Childhood», story «The Mother-desert», semantics, function in the plot, Orthodoxy.

В двух книгах В. А. Никифорова-Волгина («Земля имениница» (1937) и «Дорожный посох» (1938)) есть циклы о детстве, в которых немаловажную роль играет образ матери. Заметим, что если в романе И. С. Шмелева «Лето Господне», где автор, как и В. А. Никифоров-Волгин в своих «детских» циклах¹,

¹ Оба автора создают свои произведения, по словам Е. Ю. Шестаковой о романе И. С. Шмелева «Лето Господне», «в трагической ситуации разрушенного Дома — детства и родины, утраченных в исторических потрясениях» [1, 75]. То, что исследователь говорит далее об И. С. Шмелеве, в равной мере может быть отнесено и к В. А. Никифорову-Волгину: «В писателе назрела внутренняя необходимость

«воссоздал уклад жизни через призму церковного богослужебного года» [2, 82], особенно значим образ отца героя, то у В. А. Никифорова-Волгина на первый план повествования выступает именно образ матери.

Н. В. Летаева, исследуя образ матери в прозе В. А. Никифорова-Волгина, обращает внимание на такие ипостаси и характеристики данного образа в произведениях писателя, как олицетворение любви [3, 101], эмоциональность [3, 102], аккумуляция традиций предшествующих поколений [3, 102], доверительные отношения с сыном [3, 105], народно-поэтические об-

противопоставить гармоничные и незыблемые основы бытия в «своем, безопасном Доме» пространству «чужого, дьявольского Антидома» <...>, утвердившему себя в после-революционной России» [1, 75].

разы «матушек» (Масленица, земля, Волга, обращение к пожилым женщинам) [3, 107]. В нашем же исследовании более подробно изучается последовательная репрезентация и функция в сюжете образа матери в циклах «Детство» (книга «Земля именинница») и «Из воспоминаний детства» (книга «Дорожный посох»), сопоставляются образы матери и отца героя-ребенка, более подробно исследуется образ матери-земли, а образ матушки Волги рассматривается в связи с псевдонимом, избранным писателем.

Ни разу не названная по имени, мать мальчика Васи, приобщающегося к церковной жизни, является для него, по сути, духовным наставником. Именно мать героя отправляет его в церковь в начале первого рассказа цикла «Детство»: «Мать послала меня в церковь “к часам” и сказала с тихой строгостью: “Пост да молитва небо отворяют!”» [4, 3]. В «Исповеди», третьем рассказе этого же цикла, наставления перед тем, как Вася отправится в храм, дают уже и отец, и мать, но материнское напутствие вновь открывает текст: «Ну, Господь тебя простит, сынок... Иди с молитвой. Да смотри, поуставнее держи себя в церкви. На колокольню не лазай, а то пальто измыгаешь. Помни, что за шитье-то три целковых плочено,— напутствовала меня мать к исповеди» [4, 14]. Мать вновь говорит о необходимости молитвы, а также о благоговейном поведении в церкви. Кроме того, в данном фрагменте появляется и такая грань образа матери, как рачительная хозяйка, хранительница домашнего очага. В целом роль матери согласуется в этом тексте с тем, чему должна была учить ребенка мать в традиционной крестьянской семье. Об этом подробно пишет, к примеру, О. В. Лабозина в своей статье: «Святой обязанностью матери считалось обучение ребенка основным нормам христианской жизни, воспитание в нем чувства веры. Приучение к молитве начиналось рано, обычно с 2–3 лет. Ребенок видел ежедневно отца и мать, молящихся перед иконами-образами. Как только он начинал понимать, мать приучала его складывать пальцы для крестного знамения и молиться. При этом слова детской молитвы произносила сама мать, пока ребенок не заучивал этих слов» [5, 33].

Рассказ «Причащение», повествующий о событиях в жизни Васи в Великий Четверг, снова открывается разговором матери с мальчиком. Это уже более пространственный диалог, чем в предшествующих текстах, в котором обнаруживается, что деревня с ее обычаями является ценностью для матери главного героя цикла: «Лавочных красок в нарядных коробках мать не признавала.

— Это не по-деревенски,— говорила она,— не по нашему обычаю!

— А как же у Григорьевых,— спросишь ее,— или у Лютовых? Красятся они [пасхальный яйца] у них в самый разный цвет, и такие приглядные, что не наглядисься!

— Григорьевы и Лютовы — люди городские, а мы из деревни! А в деревне, сам знаешь, обычаи от самого Христа идут...» [4, 21–22].

О матери Васи мы узнаем также из текста, что она рукодельница (рассказ «Причащение»): «На мою рубашку все смотрели, и какая-то барыня сказала другой:

— Чудесная русская вышивка!

Я был счастлив за свою мать, которая вышила мне такую ненаглядную рубашку» [4, 25].

В пятом, седьмом и девятом рассказах цикла мать вновь выступает в роли духовного наставника героя. Она обнаруживает понимание сути церковных праздников, торопит мальчика в храм на службу, хорошо ориентируется в церковном календаре. Так, говоря о празднике Святой Троицы, мать объясняет сыну, чья память празднуется в этот день: «Накануне праздника мать сказала:

— Завтра земля именинница!

— А почему именинница?

— А потому, сынок, что завтра Троицын день сойдется со святым Симоном Зилотом, а на Симона Зилота — земля именинница: по всей Руси мужики не пашут!» [4, 52]. Память апостола Симона Зилота приходится по старому стилю на 10 мая. Поскольку детство автора проходило до революции, мы рассматриваем именно старый стиль. Совпадение Святой Пятидесятницы и памяти этого святого случилось в 1915-м году [6, 357] — это и есть время действия, о котором идет речь в цикле. Самому писателю тогда исполнилось уже 14 лет, а Вася в цикле младше. Он еще только начинает постигать православное богослужение, а поскольку растет в верующей семье, к 14 годам ему многое было бы уже известно.

Центральный образ этого рассказа — земля, — давший название всей первой книге В. А. Никифорова-Волгина, в народной культуре, столь близкой автору, наделен значением материнства: «<...> она всеобщая Мать и кормилица: живых питает, а мертвых к себе принимает» [7, 316]. В этом рассказе читатель видит мать главного героя именно как кормилицу: она печет пироги по случаю праздника. Упоминание о запрете пахать землю на Троицу соотносимо также с фольклорным представлением о матери сырой земле и Матери Богородице². Так, «русские крестьяне Переславля-Залесского объясняли запрет разбивать на пашне комья земли тем, что это бы означало «бить саму Мать Пресвятую Богородицу» [7, 316]. Земля в Троицын день остается нетронутой человеком. В фольклоре земля «наделяется <...> признаками святости и ритуальной чистоты. Это проявляется в з.-слав. и укр.-бел. фразеологизмах

² Ср. фольклорное восприятие образа матери: «Для славян характерно представление о трех матерях человека — родной матери, Богородице и матери сырой-земле <...>» [8, 207].

и обрядовых приговорах: укр. «Будь богата, як земля святая!», «Земля — свята мати» [7, 317]. Для автора, родившегося в Российской империи, но в результате революционных событий ставшего «представителем русского меньшинства в Эстонской Республике» [9, 26], важно еще представление о русской земле как о матери, отчизне. Заглавие книги отражает это представление о прежней, дореволюционной православной России одновременно как о праздничном по сравнению с наступившей действительностью времени, но, кроме того, и как о матери (Вася в рассказах «детского» цикла во многом напоминает самого писателя).

Фигура Васиного отца не так рельефно очерчена в произведении, как образ матери. Из третьего рассказа цикла мы узнаем, что он сапожник: «Дома лежу в постели, покрытый бараньей шубой, и сквозь прозрачный тонкий сон слышу, как отец тачает сапог и тихо, с переливами, по-старинному, напевает: «Волною морскою, скрывшего древле» [4, 20]. В восьмом рассказе — «Светлая заутреня» — отец делится с сыном воспоминаниями о Пасхах, которые он встречал прежде в Москве и в монастыре, расположенном глубоко в лесу.

Расхождение взглядов матери и отца героя обнаруживается во втором цикле о детстве, в рассказе «Святое Святых». Мать дает такое наставление Васе: «Будь к людям приглядчив. Душу его береги. Сострадай человеку и умей находить в нем пшеницу среди сорной травы» [10, 106]. В этих словах, содержащих аллюзию на евангельскую притчу о пшенице и плевелах, чувствуется любовь к человеку. Что же отвечает на это отец героя? А вот что: «Держи карман шире! — проворчал отец, засучивая щетину в драгву. — Как я там к людям ни приглядывался, ни сострадал им, ни уступал, а они все же ко мне по-волчьи относились. Ты, смиренница, оглянулась бы хоть раз на людей. Кто больше всего страдает? Простые сердцем, тихие, уступчивые, заповеди Господни соблюдающие. Не портила бы ты лучше мальчика! Из него умного волчонка воспитать надо, а не Христова крестника!» [10, 106]. Здесь ясно, что духовно отец слабее в этой семье, чем мать. По сути, отец идет тут против православной веры. Последнее слово остается в этом разговоре за матерью. Она вначале объясняет ему духовную подоплеку таких суждений, а затем наставляет и сына, чтобы уберечь его от соблазна: «Мать так и вскинулась на отца.

— Ты бы лучше оглянулся и узнал: кто стоит за твоей спиной? Отец вздрогнул.

— Кто?

— Да тот, кто искушал Христа в пустыне! Не говори непутевые слова. Они не твои. Не огорчай ангела своего. Сам же, когда выпьешь, горькими слезами перед иконами заливаешься. Не вводи ты нас в искушение. А ты, — обратилась она ко мне, — не всякому

слуху верь. У отца это бывает. Жизнь у него тяжелая была, ну и возропщет порою. А сам-то он по-другому думает! Последнее с себя сымет и неимущему отдаст. В словах человека разбираться надо; что от души идет, и что от крови!» [10, 106].

Мать и отца приводит в должное духовное состояние (мы видим, что он живо реагирует на ее слова), при этом не осуждая его, и сына учит духовному рассуждению, указывая на расхождение слов отца с его делами. Из других рассказов нам известно, что родители Васи вместе посещают богослужения и дорожат своей верой. В данном же эпизоде ситуация искушения оказывается преодоленной именно благодаря матери³.

В целом же образ семьи, показанный прозаиком в циклах о детстве, продолжает традицию изображения в русской литературе «благочестивого семейства», «в том его виде, в котором оно мыслилось Достоевским», с такими доминирующими признаками, как «благочестие, основой которого является «сердечная вера» во Христа, добротолубие, красотолубие, теплые, любовные отношения родных и близких, соборность как принцип взаимоотношений с людьми, ощущение причастности своей жизни к мировому всеединству» [11, 539]. Однако заметим, что, поскольку семья Васи в произведениях В. А. Никифорова-Волгина — явление уже «ушедшей» России, то изображение этой семьи семантически передает «мысль о разрушении былых устоев, былого величия и благочестия» [11, 539].

В цикле рассказов «Детство» семейная тема в новом ключе появляется в двух рассказах, действие которых протекает во время Страстной седмицы: «Двенадцать Евангелий» и «Плещаница». Эти два рассказа помещены в самом центре цикла, состоящем из десяти текстов, по счету это пятый и шестой рассказы. Здесь есть образы страдающего Господа и Его Пречистой Матери. Возникают они прежде всего в размышлениях Васи. В сознании ребенка проясняется литургический смысл событий последних дней Страстной седмицы, и помогают ему в этом и плещаница с иконой, и гимнографический текст, в котором Вася выделяет самое главное. В то же время на первый план в представленной здесь картине выступают образы Сына и Матери. Их взаимная любовь, утешение, забота друг о друге свидетельствуют о норме отношений в семье. В сюжете о матери Васи и ее сыне — рассказчике — больше заботы проявляет пока именно мать, но в перспективе сын должен «дорости» до нормы, обозначенной в рассмотренных нами частях цикла.

³ Заметим, что такая значимость роли матери согласуется с фольклорным о ней представлением: «Роль матери в духовном мире человека оценивается даже выше роли отца: рус. «Отцов много, а мать одна», с.-х. <...> «Мать человеку после Бога первая святыня на свете» [8, 203].

Наиболее ярко образ матери вне циклов о детстве дан у В. А. Никифорова-Волгина в рассказе «Мати-пустыня», который помещен в книге «Земля именинница». Образ матери-пустыни, взятый из духовного стиха о царевице Иоасафе, сразу задает духовную глубину сюжета, повествуящему прежде всего о спасении человека для вечной жизни, возвращении его не только на родную землю (в том числе и в родную землю буквально) и к родной матери, но и об уходе человека к Богу. В контексте данного рассказа образ земли, соотносимый с заглавием книги, тоже сопряжен с материнской семантикой: «Амбивалентно ассоциируясь с могилой (местом упокоения) и материнской утробой (локусом зарождения жизни), земля является символом бесконечности жизненного цикла» [12, 632]. Однако на фольклорную символику накладывается здесь более важный для автора христианский пласт культуры, благодаря чему вместо народного представления о «бесконечности жизненного цикла» здесь актуализируется понятие о жизни вечной, связанной для покаявшегося героя с обретением Царствия Небесного. Все это наиболее близко к семантике образа земли у Ф. М. Достоевского, охарактеризованной М. А. Шалиной так: «животворящая связь с родной землей, народно-почвенные идеалы, в центре которых — православная вера и святой образ Христа, материнское начало, сосуществующие на разных ступенях восприятия языческие представления о матери сырой земле и христианская традиция поклонения Приснодеве Марии как «богоносной земле» <...>» [12, 638].

Именно в рассказе «Мати-пустыня» у В. А. Никифорова-Волгина мы находим разнообразие номинаций, относящихся к матери: от церковнославянизма в заглавии до лексем «маменька», «мать», «мамаша» (в устах вернувшегося домой сына это слово звучит ласково: «Вы не беспокойтесь, мамаша, — утешал её сын, стараясь улыбаться, — всё пройдет. Я поправлюсь. Помогать тебе буду...» [4, 148]), а в начале текста мы видим соседство названия Волги, в фольклоре традиционно именуемой «Волгой-матушкой», и словосочетания «родимая матушка»: «Иду помирать на своей земле, — медленно и тяжело думал он. — Косточки сложить поближе к Волге, к родимой матушке, которую не видал лет восемь <...>» [4, 143]. В этом рассказе мать героя предстает как молитвенница («Когда засыпал Завитухин в родной своей избе, то долго сквозь лёгкий сон слышал, как молилась мать перед старенькими образами и как дрожали за окном яблони в белом цвету» [4, 148]), ее первое появление в тексте сопровождается сравнением с монахиней («маленькая старушка, вся в чёрном, как монашенка» [4, 146]). Она же здесь — исполнительница духовных стихов: «<...> как молитву, как причит, тихо пропела ему про прекрасную мати-пустыню и про дубравы Господни, цветами райскими украшенные» [4, 153–154]. Мать сопровождает Се-

мена Завитухина, своего сына, в Николину пустынь для покаяния, где после причастия он и переходит к вечной жизни, затем мать возвращается с сыном обратно, и последнее, что звучит в тексте, — это пение матерью героя духовного стиха. Есть и неявное указание на Божию Матерь в этом рассказе⁴ — в текст повествования вводится название одной из Богородичных икон — «Нечаянная радость»: «Мать тепло и крепко обвила его худую шею и радостно, тихо заплакала, и не могла найти слов, чтобы выразить свою нечаянную радость» [4, 147]. В сюжете рассказа о покаянии умирающего красноармейца Семена есть отголоски истории, связанной с этой иконой: если на иконе изображен «грешник, вымоливший прощение прегрешений у Господа через заступничество Его Матери» [14, 165], то персонаж рассказа В. А. Никифорова-Волгина получает духовное исцеление благодаря усилиям своей матери, так и не названной по имени, что сближает ее с матерью из «детских» циклов прозаика.

Напрямую не названной матерью, кроме того, и в этом рассказе, и в циклах, посвященных детству, является для героев Православная Церковь. Она наставляет в вере и через молитвы и Таинства спасает человека для вечной жизни.

Отметим также и то, что вторая часть фамилии писателя — Волгин (взятый им псевдоним⁵) — отсылает к представлению о большой русской реке, которая, в свою очередь, является «емким ментально-географическим образом, символизирующим мощь и красоту России» [16, 1189]. М. В. Строганов, рассматривая устойчивое выражение «Волга-матушка», которое встречается и в тексте В. А. Никифорова-Волгина (рассказ «Весенний хлеб» [17, 137]), пишет о том, что оно появляется в исторических песнях и преданиях, связанных с казаками, откуда и входит позднее в более широкий народный обиход. Добавим, что, по словам М. В. Строганова, «сыном матушки Волги осознавал себя не любой русский

⁴ Еще одна возможная параллель сопряжена в тексте рассказа с образом цветущей яблони («<...> он стал думать <...> о родных яблонях, одетых в белый снежный цвет» [4, 145], «<...> подошёл к своей старой избе с опрокинутым забором и яблонями в белом цвету» [4, 146], «<...> дрожали за окном яблони в белом цвету» [4, 148], «На цветах яблонь роса» [4, 148]). «Радости источник, красавица пречистая, яблоня во цвету!» [13, 74] — так обращается к Пресвятой Богородице бабушка из «Детства» М. Горького. Поскольку тема детства важна и для В. А. Никифорова-Волгина, то с осторожностью можно сказать о некотором сближении отдельных образов в прозе этих авторов.

⁵ Ю. М. Лотман говорит об «искусственности» этого псевдонима: «<...> большие реки в России никогда не составляли собственности отдельных лиц или семей, и естественное возникновение фамилий от гидронимов было невозможно» [15, 114].

человек, а только тот, кто профессионально был связан с нею, причем всегда — это маргинал <... >» [17, 313]. Само положение В. А. Никифорова-Волгина, оказавшегося за пределами новой, уже советской России, но тоскующего по прежней, православной Руси, может быть осмыслено как маргинальное. Дальнейшая его судьба подтверждает такую оценку. М. В. Строганов говорит о том, что «выражение Волга-матушка следует рассматривать как одну из моделей национальной идентификации» [17, 323], что, несомненно, было актуально для писателя русского зарубежья.

Итак, образ матери в произведениях В. А. Никифорова-Волгина, с одной стороны, представлен как персонаж в сюжетах рассказов писателя, с другой же стороны, он дан как культурный образ, сопряженный с православием (Богородица, Церковь), с фольклором (земля, мати-пустыня), с Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестакова Е. Ю. Образ дома как ценностное измерение в художественной картине мира (на материале романа И. С. Шмелева «Лето Господне») / Е. Ю. Шестакова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — Саратов, 2021. — Т. 21. № 1. — С. 75–79.
2. Вальчак Д. Светлое воспоминание детства и потерянной родины: мотив иконы в прозе русских эмигрантов первой волны (на материале романов «Лето Господне» И. С. Шмелева и «Ротонда» И. Д. Сургучева) / Д. Вальчак // Libri magistri. Варшава, 2019. — № 3 (9). — С. 80–92.
3. Летаева Н. В. Парадигма образа матери в прозе В. А. Никифорова-Волгина / Н. В. Летаева // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»). Сборник статей по итогам III Международной научной конференции. — М., 2019. — С. 100–108.
4. Никифоров-Волгин В. А. Земля именинница / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Ставроп, 2004. — 224 с.
5. Лабозина О. В. Роль матери и отца в воспитании в русских крестьянских семьях: гендерный подход / О. В. Лабозина // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.).

Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией В. Н. Скворцова. — СПб., 2013. — С. 31–35.

6. Молитвы и песнопения православного молитвослова. — М.: Донской Монастырь при участии Русского Духовного Центра, 1994. — 368 с.
7. Белова О. В. Земля / О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, А. Л. Топорков // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. (Под ред. Н. И. Толстого). Т. 2. — М., 1999. — С. 315–321.
8. Кабакова Г. И. Мать / Г. И. Кабакова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. (Под ред. Н. И. Толстого). — Т. 3. — М., 2004. — С. 203–208.
9. Осьминина Е. А. Церковнославянизмы в автобиографических циклах В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Русская речь. — М., 2016. — № 2. — С. 26–31.
10. Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох и другие рассказы / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Новое Небо, 2018. — 174 с.
11. Юрьева О. Образ «русского семейства» в творчестве Ф. М. Достоевского и в русской литературе начала XX века / О. Юрьева // Достоевский и XX век. Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М., 2007. — С. 536–559.
12. Шалина М. А. Земля в идейно-художественной системе Ф. М. Достоевского / М. А. Шалина // Культура и цивилизация. — Ногинск, 2017. — Т. 7. № 2В. — С. 629–641.
13. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. — М.: Московский рабочий, 1968. — 584 с.
14. Климкова А. А. «Нечаянная радость», икона Божией Матери / А. А. Климкова // Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. XLIX. Непеин-Никодим. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. — С. 165–169.
15. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя / Ю. М. Лотман. — Л., 1983. — 416 с.
16. Кривошапова Ю. Образ Волги в русской языковой традиции / Ю. Кривошапова // *Questio rossica*. — Екатеринбург, 2018. — Т. 6. № 4. — С. 1188–1201.
17. Строганов М. В. Большая Волга в русском фольклоре / Фольклор Большой Волги: сборник научных статей. Сост. В. Е. Добровольская и др. — М.: Роскультпроект, 2017. — С. 310–329.

Новосибирская православная духовная семинария
Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: sellns@mail.ru

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
Suzryukova E. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Humanitarian Disciplines Department
E-mail: sellns@mail.ru